

DOI 10.47309/2713-2358_2021_2_117

УДК 330.34

JEL F41

НАУЧНЫЙ ВКЛАД. Публикуем главы из книги А.Н. Дегтярева
«Конверсия институтов. Начала теории».

Дегтярев Александр Николаевич
ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики
Башкортостан», Уфа, Россия

Глава 3. КОЭВОЛЮЦИЯ И КОНВЕРСИЯ

Аннотация В статье отмечается, что релевантность исследования структурных трансформаций общественно-экономических систем в логике институциональной парадигмы способна обеспечить только методология, вошедшая в базовый методологический контент эволюционных теорий развития - методологический институционализм, исследующий микро- и макроэкономические процессы с учетом влияния институциональной среды, при этом сами институты также становятся объектом эволюционного воздействия агентов на данных множествах. Системная институциональная трансформация, лежащая в основе эволюционного развития общественно-экономических систем, завершается на каждом отрезке исторического развития конверсией институтов, составляющих ядро институциональной матрицы системы.

Summary The article notes that the relevance of the study of structural transformations of socio-economic systems in the logic of the institutional paradigm can be provided only by the methodology included in the basic methodological content of evolutionary development theories - methodological institutionalism, which studies micro- and macroeconomic processes taking into account the influence of the institutional environment, while the institutions themselves also become an object of the evolutionary influence of agents on these sets. The systemic institutional transformation, which underlies the evolutionary development of socio-economic systems, ends at each stage of historical development with the conversion of institutions that make up the core of the institutional matrix of the system.

Ключевые слова: коэволюция, конверсия, механизмы, взаимодействие, институты, социум, наука, тенденции

Key words: co-evolution, conversion, mechanisms, interaction, institutions, society, science, trends

ВВЕДЕНИЕ

«Что посеешь – то и пожнешь» (народная мудрость)

В предыдущих разделах книги, основываясь на плюралистических допущениях синергетики теоретической платформы неоклассики, неоинституционализма и эволюционной теории, установлена неразрывная связь между макроэкономической социодинамикой и институтами системы, а именно: поскольку любая социально-экономико-политическая система формируется в контуре соответствующего институционального поля, в основе ее динамики – трансформации соответствующего институционального каркаса системы. «Общественная система, государство представляют ткань, полученную путем сплетения институтов – законов, политических организаций, форм и границ предпринимательства, учреждений и институций – традиций и обычаев, социокультурных особенностей, норм поведения, иными словами, установленного порядка межчеловеческих отношений. Поэтому трансформация сложившейся общественной системы непосредственным образом охватывает все перечисленные компоненты» [Сухарев, 2007, с.19].

Раскрыв характер и механизмы взаимодействия институтов социума, наука реально может приблизиться к установлению тенденций и внутренних «пружин» трансформационных процессов социально-экономико-политических систем в контексте причинно-следственной логики и зависимости от объективных эндогенных и экзогенных факторов, действующих в контуре институционального пространства, и далее – к определению эффективных инструментов влияния на них в интересах прогресса и процветания.

§ 1. Институциональные матрицы. Коэволюция и конверсия

Обобщающим определением дефиниция «институциональное пространство», достаточно адекватно отражающим его сущностные характеристики и функциональное содержание, определяется как «объективно и непрерывно существующая, перманентно расширяющаяся сфера образования, реализации и воспроизводства совокупности локализованных институциональных норм, институтов и институциональных процессов, представляющая способ их существования и образующая некий институциональный континуум, характеризующаяся функциональностью, пластичностью, структурностью» [Коблова, 2015, с.19]. Добавим, что в его пределах происходят фазовые переходы во всех «трех измерениях» - в рамках институтов, между институтами и от одних институтов к другим, при сохранении «институциональной энергии акторов», равно как и самого пространства (поля). Если это принципиальное условие не будет сохраняться, не представляется возможным конституировать когерентную целостность пространственной модели институционального пространства, которое к тому же, по определению Г. Клейнера обладает «плотностью», (под которой понимается «охваченность» этими нормами населения страны, воспринимающего их, и выполняющего их [Клейнер, 2004, с.45].

С учетом указанных определений, имеющих ключевое значение, модель институционального поля (пространства) представляется как ограниченное контурами СЭПС сплошное множество различных (в том числе и не работающих) институтов, с подмножествами аттракторов – концентраторов («аккумуляторов») институциональной энергии. В этой связи для институционального поля, полагаем, корректнее определить границы не в виде пространственных трехмерных координат, а в формате контура динамических энергетических импульсов и зон влияния аттракторов системы с локальными центрами и периферией по принципу мир-системы. Это позволяет определить параметры «элементарных частиц» системы – институтов и всей системы в целом по энергетическим параметрам их прямых и обратных связей, не подчиняющимся линейным законам физического редукционизма.

Платформенной основой всей конструкции в пределах институционального поля является институциональная матрица, структурно – логически объединяющая институциональное ядро в виде совместимой, сочетаемой и когерентной триады, состоящей из ключевых, комплементарно сформировавшихся институтов, определяющих экономический, политический и социальный векторы эволюции общественно-экономических систем. Впервые термин «институциональная матрица» применил К. Поланьи, затем его

использовал Д.Норт, заложивший основу теории институциональных матриц (Institutional Matrices Theory), которая активно разрабатывается с 1990-х гг. В ней развивается и обосновывается гипотеза устойчивых систем базовых институтов (институциональных комплексов), определяющих природу и характер развития общества. В своей книге «Понимание процесса экономических изменений», посвященной исследованию эволюционной динамики социально-экономико-политических систем, Норт дает развернутую характеристику «институциональной матрицы»: «Этот институциональный каркас состоит из политической структуры, определяющей то, как мы выявляем и агрегируем политические выборы, структуры прав собственности, которая определяет формальные экономические стимулы, а также социальной структуры, то есть норм и конвенций, которые определяют неформальные стимулы в экономике. Институциональная структура отражает убеждения, сформировавшиеся в обществе в ходе истории, а изменения в институциональном каркасе, как правило, представляют собой постепенный процесс, отражающий ограничения, которые прошлое накладывает на настоящее и будущее» [Норт, 2010, с.79]. Роль базовых институтов общественно-экономических систем подчеркивает известный российский социолог Т.Заславская: «Совокупность социальных институтов выполняет важные общественные функции (стабилизационную, адаптационную, интеграционную и инновационную). Особую роль в их реализации играют базовые институты, образующие ядро институциональной системы, а именно: институты власти, собственности, гражданского общества прав и свобод человека» [Заславская, 2010, с.326].

Теория институциональных матриц представляет эту дефиницию как исторически сложившийся устойчивый «триплекс» (от лат. triplex – тройной) взаимосвязанных базовых институциональных комплексов, регулирующих функционирование трех основных общественных подсистем: экономики, политики и социальной сферы. Базовые институты, сохраняя присущее им содержание, проявляют себя в разнообразных, объективно меняющихся институциональных формах, специфика которых определяется историей и «культурным слоем» конкретных обществ.

Многочисленные исследования в области теории институциональных матриц убедительно демонстрируют, что участники мировой гонки социально-экономического развития движутся асинхронно и даже не по единой «колес истории», как это декларируют марксисты, а, как минимум – по двум: «западной» и «восточной», питаясь энергетикой своего «институционального кода». Сегодня, наверное, уже не столь важно, что именно повлияло на образование протоинститутов в разных частях света в раннеисторические времена, но факт остается фактом – на протяжении многовековой истории и

поныне человечество различает две ключевые диалектические ветви социума – индивидуалистскую и коммунитарную, наложившие отпечаток на создание и сохранение известных институциональных матриц, представляющих триаду базовых институтов – политических, социальных и экономических. На основе обширного компаративного анализа исследовательской базы по трансформации параметров институциональных структур различных экономик мира С.Кирдиной сформирован адекватный понятийный аппарат теории. «Для X – матриц характерны следующие базовые институты (институциональные комплексы):

- в экономической сфере – редистрибутивной экономики (термин К.Поланьи). К ним относятся институты верховной условной собственности; служебного труда (термин О. Бессоновой); кооперации; редистрибуции (redistribution: аккумуляции – согласования – распределения); X-эффективности (категория введена Х.Лебенстайном), т. е. снижения издержек нерыночными методами. Сущностью «чистых» редистрибутивных экономик является обязательное опосредование центром движения благ и прав по их производству и использованию;

- в политической сфере – унитарного политического устройства. Среди них институты: административно-территориального деления; иерархической вертикали власти во главе с центром; назначений; общих собраний и единогласия; обращений по инстанциям;

- в идеологической сфере – коммунитарной идеологии, основное содержание которой состоит в доминировании коллективных, общих ценностей, приоритете «Мы» над «Я». К ним относятся: институты коллективизма; эгалитаризма; порядка; ориентированные на благополучие трудовой мотивации; холистические (интегральные) представления о мире. Институты X-матрицы доминируют в России, в странах Азии и Латинской Америки.

Y-матрица образована следующими базовыми институтами (институциональными комплексами), которые выполняют аналогичные функции, но иным образом, а именно:

- в экономической сфере – рыночной экономики. Среди них институты частной собственности; наемного труда; конкуренции; обмена – купли–продажи и реципрокности (exchange and reciprocity); получения прибыли, или Y-эффективности (категория Х. Лебенстайна);

- в политической сфере – федеративного политического устройства. К ним относятся институты: федерации; самоуправления и субсидиарности; выборов; многопартийности и демократического большинства; судебных исков;

- в идеологической сфере – индивидуалистской идеологии, закрепляющие приоритет «Я» над «Мы», примат личности, ее прав и свобод по отношению к

ценностям сообществ более высокого уровня. Это институты: индивидуализма; стратификации; свободы; денежно-ориентированной трудовой мотивации; редуционистские (дискретные) представления о мире. Институты Y-матрицы преобладают в странах Европы, Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии.» [Кирдина- Чэндлер, 2018, с.78-79]. «Матрицы сформированы «симметричными», т.е. выполняющими аналогичные функции, институтами <...> Но способы реализации сходных функций у них различны, что объясняется необходимостью приспособления социума к дифференцированной окружающей материальной среде <...> Поэтому матрицы разные». [Кирдина, 2011, с.27].

Как видим, матрицы рассматриваются как гетерогенные открытые системы, которые имеют доминантные институты (по Кирдиной – X и Y – типа), сохраняющие свои ключевые свойства, динамическую устойчивость и ригидность даже в условиях неравновесности системы, и комплементарные, как реплицируемые элементы диалога, дополняющие мозаичную картину институционального поля. Исследования динамики институциональных систем показывают, что эти свойства институциональной системы не выходят за рамки некоего «количественного коридора», что соответствует т.н. принципу Кюри [Кравченко, 1998], «который накладывает теоретически обоснованные ограничения на степень возрастания (или уменьшения) сложности новых диссипативных структур в процессе эволюции системы, дает потенциальную возможность прогнозировать границы «коридора» эволюции, определяя как сверху, так и снизу степень сложности возникающих структур.» [Кирдина, 2011, с.32]. Вместе с тем, тезис о существовании лишь двух типов матриц – «восточной» и «западной», «не бесспорен, хотя их генезис очевиден, хорошо просматривается во всей исторической ретроспективе ряда цивилизаций и отдельных социально-экономических систем и наблюдается в новейшей истории многих стран Востока и Запада. Однако, скорее всего, мир более многолик, о чем свидетельствуют многие примеры. Так показателен пример, казалось бы, невообразимого симбиоза ментальности древнего и одновременно коммунистического Китая с прагматизмом своего антипода – рыночного Запада, давший феноменальный эффект в развитии страны, или, наоборот, феномен т.н. стран «третьего мира» (Латинская Америка, Азия, Африка), в которых рыночная экономика, культивируемая Западом уже на протяжении многих веков, так и не дала населению большинства этих стран процветания» [Дегтярев, 2006, с.48].

Однако, указанная биполярность, представляющая в мировом масштабе доминирование, в основном, двух групп стран, отличающихся своим институциональным устройством, является безусловным трендом современной институциональной модели мира, как и теория инклюзивных и экстрактивных институтов, сформулированная американскими учеными Дароном Асемоглу и

Джеймсом Робинсоном [Асемоглу, Робинсон, 2015], которые ввели в научный оборот два новых понятия – «экстрактивные» и «инклюзивные» институты в рамках так называемой *новой политической экономики*. При этом «основная их идея: институты устанавливаются не всем обществом в целом, а только той ее частью, которая имеет политическую власть. Эти идеи созвучны идеям К. Маркса, который представил ход истории как перманентную борьбу классов, только в новой теории место классов заняли группы интересов. Группа, обладающая экономической силой, использует эту силу для получения политической власти, которую далее трансформирует в институты, выгодные для себя, но не обязательно для всего общества» [Замулин, Сонин, 2019, с.30]. Анализ теории инклюзивных и экстрактивных институтов, показывает монокаузальность концепции инклюзивных институтов, что по мнению самих авторов теории «обрекает» на успех одни страны (как правило, принявшие англосаксонскую модель развития) и деградацию – другие, «исповедующие» контент экстрактивных институтов. Однако размытость методологических формулировок и критериев для групп тех и других институтов затрудняет применение предложенной модели для общественно – экономических систем, находящихся между полюсами указанной биполярной схемы институциональных матриц, а таких стран, заметим, большинство и среди них – ряд крупнейших стран мира, входящих в международные ассоциации вроде ШОС и БРИКС, в том числе Китай и Россия. Дело тут, думается, в том, что обоснование модели Асемоглу-Робинсона выводится из непосредственного анализа фактического состояния парных ключевых политических и экономических институтов. В первом случае речь идет о нормах, определяющих порядок наделения и передачи властных полномочий, а во-вторых, правах собственности вкупе с условиями их реализации на рынке. Представленная в качестве монокаузальных принципов черно-белая дихотомия, деление стран на «хорошие» и «плохие», на наш взгляд, очень схоже с ситуацией с «хорошим» и «плохим» холестерином, и свидетельствует либо об излишней политизированности исследователей и отсутствии желания увидеть всю многоцветную палитру мировых практик эволюционного развития, либо о стремлении создать упрощенную универсалистскую модель развития.

Обоснования Асемоглу – Робинсона, по нашему мнению, есть – типичная институциональная методологическая ловушка, заключающаяся в абстрагировании авторов теории инклюзивных и экстрактивных институтов от культурно-исторического компонента институтогенеза, о чем предостерегал Д.Норт, отмечавший, что эта важная составляющая «унаследована нами от прошлого. В широком смысле она вообще представляет собой культурное наследие, и мы сильно рискуем, игнорируя ее при принятии решений, рискуем

провалом своих попыток повысить экономическую эффективность» [Норт, 2010, с.224]. Подтверждая данный тезис, Евгений Балацкий и Наталья Плискевич на примере анализа истории развития СССР аргументированно доказывают недостаточную убедительность интерпретации Асемоглу-Робинсона, а в ряде случаев и ошибочность теории экстрактивных институтов в описании трансформационных процессов в СССР, стране, добившейся в свое время, вопреки принципам указанной теории, выдающихся результатов в экономике и социальном развитии общества. Показано, что коренным условием достижения устойчивого экономического роста является не принадлежность к той или иной модели институциональных матриц, а гармоничное их развитие и оптимальное соотношение энергетики социальных, политических и экономических аттракторов [Балацкий, Плискевич, 2017]. Е.Лукашева, так же, анализируя особенность развития различных моделей институциональных матриц, обоснованно отмечает, что «исключительная приверженность западному универсализму оставляет без внимания своеобразие и самобытность локальных культур, способы взаимодействия людей, традиционные ценности различных незападных обществ. Как правило, такие общества дорожат своей культурой, объективированной в соответствующих институтах, они выражают готовность принять международные стандарты, но не отказываются от своих традиционных ценностей» [Лукашева, 2018, с. 13-14]. Ряд исследователей, дискутируя по поводу правомерности каузальной модели авторов новой парадигмы, утверждают, что тем самым «на практике подтверждается одна из основных идей С. Хантингтона, согласно которой Запад уникален, но не универсален и поэтому не должен насаждать свои культурные ценности и этические нормы вовне, а также ожидать их безоговорочного принятия. Но нельзя не отметить, что подобное верно и в отношении Востока, в частности, стран исламского мира. Это подчеркивает необходимость толерантного подхода и понимания в отношении Запада» [Кравченко, 2006, с.105]. Главное, в чем сходятся практически все исследователи указанной сферы – каждой общественно-экономической системе присуща уникальная институциональная основа, имеющая ядро в виде триады – базовых политических, экономических и социальных институтов, интерактивно взаимодействующих в контуре институционального поля (пространства) вследствие воздействия эндогенных и экзогенных факторов.

Исследование парных интеракций «агент – институт – агент» требует определения основных свойств и функциональных характеристик самой институциональной системы. Достаточно полно, на наш взгляд, определены основные свойства сложных общественно-экономических систем в исследовательской работе С.Малкова «Социальная саморганализация и исторический процесс. Возможности математического моделирования»

Ссылаясь на указанную научную монографию, С.Г. Кирдина относит к числу наиболее существенных свойств:

«– наличие в экономической системе неравновесных диссипативных (распределяющих вещество, энергию, информацию) структур, удаленных от точки равновесия;

– кооперативный характер динамики экономических подсистем, возможность возникновения в экономике коллективных эффектов и синхронизации происходящих в ней процессов;

– способность к самовоспроизведению (самовоспроизводству);

– конечность времени жизни элементов экономической системы и связанный с этим процесс воспроизводства и обновления;

– мультистабильность, т.е. существование нескольких устойчивых состояний экономической системы при заданных внешних условиях;

– зависимость текущего состояния от предыстории, способность к сохранению информации (в виде структуры связей между элементами экономической системы);

– отбор экономических механизмов (институтов, технологий, продуктов, финансовых инструментов и т.д.) с благоприятными свойствами в результате конкурентных процессов;

– морфогенез, т.е. образование новых экономических форм, тенденция к росту многообразия и сложности» [Кирдина, 2011, с. 24-25].

Механизм институциональных изменений, отражающих интенциональность агентов (от лат. *intentio* – намерение) с целью достижения определенных результатов, опираясь на известные «пять утверждений» Д.Норта, можно сформулировать следующим образом:

– конкуренция институтов, как движущий мотив изменений;

– инвестиции в инновации, как энергоресурс изменений;

– инфраструктура и правовой каркас, как ограничительный фактор и ориентир развития;

– менталитет агентов, как субъективный фактор выбора;

– сетевые экстерналии институциональной матрицы, как зависимость от *path dependence*, определяющей «эффект колеи» [Норт, 2010, с.93-101].

Каждый из этих «пяти шагов» трансформации институтов имеет важное значение и составляет единую «дорожную карту» интегральной модели. Структура и функционал базовых элементов модели, принятые в авторском исследовательском проекте, определяют его критериальную матрицу:

– единицей научного анализа является агент/актор, обладающий энергетическим потенциалом, зависящим от его координат (потенциальная энергия) и энергии импульса (кинетическая энергия);

– единицей научного анализа предметной среды является институт, представляющий собой совокупность норм и правил общественного бытия множества агентов/акторов, наделяющих данный институт своим энергетическим потенциалом;

– общественно-экономическая система (социально-экономико-политическая система – СЭПС) представляет собой совокупность множества институтов и множества агентов/акторов, находящихся между собой в непрерывной коммуникативной связи, основанной на энергетическом трансфере;

– множество институтов, принадлежащих конкретной СЭПС, образуют ее институциональное поле / пространство, содержащее подмножества в виде энергетических аттракторов, в том числе высшего порядка – суператтракторов базовых институтов системы и их триггеров, содержащих, в свою очередь, подмножества аттракторов первичного порядка и их периферию;

– на всех уровнях общественно-экономическая система, как в целом, так и входящие в нее элементы имеют предельные параметры, ограниченные энергетическим потенциалом ее элементов: СЭПС – потенциалом ее институционального поля (ИП); ядро ИП (институциональная матрица) – потенциалом суператтракторов (базовых институтов) и их периферии; институты – потенциалом сделавших в пользу их поддержки (формально и неформально) выбор агентов/акторов.

В основе научного анализа трансформации общественно-экономической системы применяются методологические подходы, соответствующего уровня:

а) макроуровень эволюции описывается с помощью моделей неоклассического синтеза с применением подходов теорий экономического роста и циклической динамики;

б) уровень институционального поля системы описывается с помощью методов неоинституционализма, теории хаоса и эволюционных теорий, в том числе теории инноваций и др.;

в) уровень института описывается с помощью агентоориентированных моделей и теории игр.

Все воздействия эндогенного и экзогенного характера вызывают «энергетические возмущения» на множествах и подмножествах системы, имеющие следствием, в общем случае, изменение координат и энергетического импульса (рефлексии) агентов/акторов, приводящее к трансферу/переносу энергии и образованию новой конфигурации аттракторов в пределах институционального поля. При отсутствии экзогенных воздействий на элементы системы и систему в целом, их энергетический потенциал остается неизменным; при наличии экзогенного воздействия элементы системы и система в целом

приобретают новый энергетический уровень.

Теория реформ определяет две ключевые проблемы институциональной динамики и вытекающие из них задачи исследований. Одна из них касается определения источников генерации реформ, сил и механизмов, определяющих движение системы вдоль той или иной институциональной траектории. Вторая – более сложная и практически значимая, поскольку ставит задачу поиска и определения оптимальной траектории развития общественно-экономической системы.

Так кто же генерируют реформы и что служит, их питательной средой? Кто есть – носители реформ и их «энергетики»? В нашем понимании – это именно агенты на множествах институционального поля, обладающие кинетической и потенциальной энергией, посредством которой формируются новые аттракторы. Иначе откуда может взяться энергия этих реформ? Задача заключается в том, чтобы установить и смоделировать механизмы формирования институционального поля в той или иной его конфигурации, обосновать модель трансформационной динамики, обеспечивающей новое качество «среды обитания» институтов, каждый раз вновь формирующей потребность в дальнейшей эволюции. «Пружины» этого уникального механизма трансформации описывает О.Сухарев: «Процесс институциональных изменений обычно обусловлен действием двух причин. Во-первых, тем, что институты характеризуются изменчивостью, то есть с ними могут происходить случайные мутации под воздействием внешних и внутренних факторов, а также целенаправленных действий индивидов. Во-вторых, происходящими конфликтами между различными институтами, рожденными в разные исторические периоды» [Сухарев, 2007, с.9]. По мнению Г. Ивлевой источниками подобных институциональных конфликтов могут выступать объективные факторы экономического роста, связанные с развитием знаний и технологий, а также вызовы, формирующиеся в сфере «общественного разделения труда, интенсификации и расширения обмена – общения» [Ивлева, 2003, с.19]. К агентам, эндогенно воздействующим на институциональную среду, в первую очередь, нужно отнести государство, как институт – стейкхолдер, а также другие организации, заинтересованные в продвижении своих стратегий. Экзогенно этот процесс инициируется извне, внешними факторами, доминирующими на рынке имплантации институтов, в том числе и силовыми методами, используя военно-политическую силу или экономическую зависимость «реципиентов». Примеров такого рода в истории мировых экономик предостаточно, к примеру, социалистическая коллаборация в Восточной Европе в форме Варшавского Договора, или План Маршала для западноевропейских стран после II Мировой войны.

Процесс трансформации системы сопровождается определенными затратами материального, организационно-правового характера. При этом некоторые ученые дифференцируют общественные трансакционные издержки, которые исследуют Т.Эггертссон, Д.Норт, Р.Коуз, и издержки институциональной трансформации, которые представляют собой:

а) прямые издержки формирования институтов, требующие отвлечения ресурсов из традиционных сфер инвестирования;

б) издержки дезорганизации, вызванные разрушением прежней институциональной конструкции, а также несогласованностью коммуникаций ведущих акторов на этапах «дорожной карты» трансформации;

в) издержки интенсификации перераспределительных процессов, или формирование переходной ренты в динамике дисфункции традиционных общественных и экономических отношений, и процесса формирования их новых форм и форматов.

Учитывая указанные обстоятельства, триггером институциональных изменений, мотивационной основой становится некий запрос на новые институты, формирующийся заинтересованными в уменьшении трансакционных и трансформационных издержек институциональной системы агентами, стремящимися создать и закрепить новые «правила игры» в политической сфере и общественных коммуникациях на выгодных для себя условиях. В этой связи напрашивается аналогия между «запрашиваемыми» общественными институтами и общественными благами, что предполагает возможность аналогии с рыночной дихотомией «спрос-предложение», где предложение формируется или спонтанно, на базе историко-генетической особенности среды, или посредством направленного целеполагания и действий активной группы акторов, или как уже отмечалось, экзогенно – имплантацией извне.

В итоге, действия рационального (ограниченно рационального) экономического агента с наличием устойчивых предпочтений, сформировавшихся в условиях прежней институциональной среды, запускают процесс трансформации институтов. Их выбор в условиях конкуренции, обусловленной наличием разнонаправленных действий множества агентов, определяется принципом максимизации полезного эффекта от того или иного института. В свою очередь, мотивированный выбор большинства индивидуальных агентов, формирующий новое активное подмножество – аттрактор, предопределяет вектор трансформации того или иного института (нормы, правила, формы или акта общественного консенсуса), а агенты – стейкхолдеры, представляющие государство или иные центры групповых интересов, формируют в целом институциональное поле общественно-

экономической системы. Однако очевидно, что последнее обстоятельство отражает, во-первых иной уровень коммуникаций, а во-вторых, иной их характер, поскольку сами стейкхолдеры в данном контексте представляют собой некие системы, эмергентные к индивидуальным качествам и свойствам агентов множества, при том, что указанные уровни экономической реальности функционально взаимосвязаны, хотя и несводимы к свойствам других уровней и невыводимы из них.

Однако изменения институтов – это лишь характеристика явления и знаний о том, что трансформация институтов – это непрерывный транзитивный процесс, «дорожная карта» перманентных изменений параметров институтов для адекватного моделирования трансформации социально-экономико-политических систем и их институциональной основы, не достаточно.

В этой связи в рамках новой теории в научный оборот введено новое понятие – «конверсия институтов», как конечный параметрический результат трансформации институтов. Термин «конверсия», от латинского «con – versio», («conversion» – англ.) т.е. изменение, превращение, имеет междисциплинарный статус и по первичному значению данной лексемы означает результат некоего действия по превращению объекта, т.е. «конвертации» в новый вид, с новыми характеристиками. Термин встречается при описании процессов трансформации в экономике, в технике, биологии, филологии и др. научных сферах. Важно, что обмен, или замещение одних характеристик объекта трансформации в результате эндогенных или экзогенных воздействий агентов, может существенным образом изменить (конвертировать) данный объект, придав ему новое качество. Это определение в полной мере может быть отнесено к институтам – социальным, экономическим, политическим, как субъектам общественно-экономических систем. Таким образом, принципиальное различие понятий «трансформация» и «конверсия», заключается в том, что первая дефиниция характеризует процесс видоизменения объекта в период его жизненного цикла, а вторая – конечный или промежуточный результат этого процесса, имеющий определенные параметры, что делает процесс трансформации исчисляемым в рамках некоей параметрической модели. На основании изложенного формулируем определение: «результат трансформации института, осуществляемой посредством эндогенных и экзогенных воздействий, определяемый по изменению его параметров, называется конверсией института».

Таким образом, релевантность исследования структурных трансформаций общественно-экономических систем в логике институциональной парадигмы способна обеспечить только методология, вошедшая в базовый методологический контент эволюционных теорий развития – методологический институционализм, исследующий микро- и макроэкономические процессы с

учетом влияния институциональной среды, при этом сами институты также становятся объектом эволюционного воздействия агентов на данных множествах. Данная синтетическая двухуровневая модель исследования отвечает принципу дополнительности, поскольку каждый из методологических приемов отражает две несводимые системы, имеющие актуальные границы исследования, множества акторов, обладающих энергией действия и мотиваций, эндогенные и экзогенные факторы воздействия на соответствующие системы и верифицируемые параметры. Системная институциональная трансформация, лежащая в основе эволюционного развития общественно-экономических систем, завершается на каждом отрезке исторического развития конверсией институтов, составляющих ядро институциональной матрицы системы.

Список литературы:

1. Асемоглу Д., Робинсон Дж.А., Экономические истоки диктатуры и демократии [Текст] / пер. с англ. С.В.Моисеева; под науч. Ред. Л.И.Полищука, Г.Р.Своняева, Т.В.Натхова; Нац. исслед. ун-т и Высшая школа экономики. – М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2015. – 512 с.2. БалацкийЕ.В., ПлискевичН.М. Экономический рост в условиях экстрактивных институтов: советский парадокс и современные события / – Мир России, 2017. No 4. с. 97-117.
3. БарбашинМ.Ю. Теория институционального распада: концептуальный потенциал и методологические рамки / Журнал институциональных исследований, 2016. Том 8. No 1. с. 36-53.
4. Вудфорд М. Что не так с экономическими моделями? (Ответ Джону Кэю) / Вопросы экономики, 2012. No 5. с. 14-21.
5. Дегтярев А.Н., Дегтярева С.В. Асинхронность формирования и асимметрия институциональных матриц как фактор трансформации социально-экономических систем (историко-экономических анализ) / Экономическое возрождение России, 2006. No 2, No 3.
6. ДозиДж. Экономическая координация и динамика: некоторые особенности альтернативной эволюционной парадигмы / Вопросы экономики, 2012. No 12. с. 31-60.
7. Заславская Т.И. Избранное. Т.2. Трансформационный процесс в России: в поиске новой методологии. / Т.И. Заславская. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»», 2007. – 591 с.
8. КирдинаС.Г. Институциональные изменения и принцип Кюри //

Экономическая наука современной России, 2011. No 1 (52). с. 19-38.

9. Кирдина-Чендлер С.Г. Западные и не западные институциональные модели во времени и пространстве / Вопросы теоретической экономики, 2018. No 1. с. 73-88.

10. Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. ЦЭМИ РАН. – М.: Наука (Экономическая наука современной России), 2004. 204 с.

11. Коблова Ю.А. Институциональное пространство в предметном поле экономической науки // Экономические науки, 2015. No 1 (122) с. 15-19.

12. Кравченко И. Доктрина С.Хантингтона: гипотеза или жесткий аларм-прогноз? // Мировая экономика и международ. отношения. 2006. No 12. с.104-111.

12. Кравченко Н.С. Принцип Кюри как регулирующий механизм эволюции в бифуркационных процессах // Философия науки, 1998. No 1 (4).

13. Лукашева Е.А. Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст // Труды института государства и права РАН, 2018. Т. 13. No 5. с. 9-39.

14. Макаров В.Л. Исчисление институтов. / Макаров В.Л. // Экономика и математические методы. 2003. Т. 39. No 2. с. 14-32.

15. Малыхин В.И. Математическое моделирование социально-экономической структуры общества. Изд. 2-е, исп– М.: ЛЕНАНД, 2015. 240 с.

16. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений [Текст] / Д. Норт // пер. с англ. К.Мартынова, Н.Эльдмана. Гос. университет – Высшая школа экономики. – М.: Изд. дом. Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 256 с.

17. Попов Е.В. Институты: Монография/ Е.В. Попов. - Екатеринбург: Изд-во ИЭ УрО РАН, 2015. 710с.

18. Попов Е.В. Модель эволюции экономических институтов / Вестник УГТУ. 2007. No 6. с. 10-21.

19. Сухарев О.С. Институциональная теория и экономическая политика: К новой теории передаточного механизма в макроэкономике / О.С. Сухарев; Кн. I. Институциональная теория. Методологический эскиз. РАН. Институт экономики. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика»», 2007. 516 с.

Сведения об авторе

Дегтярев Александр Николаевич, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан, директор ГАНУ «Институт стратегических исследований Республики Башкортостан», доктор экономических наук, профессор. 450008, г.Уфа, ул. Кирова, д.15. aleks-degt@yandex.ru, тел. +7(347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

Author's personal details

Degtyarev Alexander Nikolaevich, Vice-President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Director of GANU “Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan», Doctor of Economics, Professor. 450008, Bashkortostan, Ufa, ul. Kirova, d.15. aleks-degt@yandex.ru , tel. +7 (347) 273-72-37. <https://orcid.org/0000-0001-6237-8795>

© Дегтярев А.Н.